

С. В. Томсинский

Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги

Keywords: East Europe, Neo-Normanism in Leningrad, Staraya Ladoga, Gnezdovo, Timerevo, Normans, Slavs.

Cuvinte cheie: Europa de est, neonormandizmul în Leningrad, Ladoga Veche, Gnezdovo, Timerevo, Normanzi, Slavi.

Ключевые слова: Восточная Европа, неонорманизм в Ленинграде, Старая Ладога, Гнездово, Тимерево, норманны, славяне.

S. V. Tomsinsky

Neo-Normanism in Leningrad: Origins and Results

Leningrad Neo-Normanism as a direction in Soviet archaeology (mid-1960s—2000s) started its development in the general context of the evolution of social consciousness in the last decades of the Soviet Union. In 1970s—1980s, this direction pretended to generalize research results on early Medieval sites from a vast territory of Eastern Europe. In modern Russia, Leningrad Neo-Normanism quickly loses its relevance.

The main lesson of Leningrad Neo-Normanism is that archaeology of the Early Rus' is still a historical archaeology. Contestation of its ideas undertaken by supporters of the South-Baltic hypothesis about the emergence of statehood in Early Rus' also leads to a deadlock, for it does not address the uncertainty of chronicle accounts, which underlie both directions.

S. V. Tomsinsky

Neonormandizmul din Leningrad: izvoare și rezultate

În conformitate cu o anumită direcție a arheologiei sovietice (mijlocul anilor 1960 — anii 2000), neonormandizmul din Leningrad se dezvoltă în cadrul contextului general al evoluției gândirii sociale din ultimele decenii de existență a URSS. În anii 1970—80, această direcție pretindea generalizarea rezultatelor cercetării siturilor medievale timpurii de pe teritorii imense ale Europei de est. În Rusia contemporană neonormandizmul din Leningrad își pierde rapid din actualitate.

Principala concluzie care poate fi trasă de pe urma activității curentului neonormanist din Leningrad este următoarea: arheologia Rusiei Kievene rămâne una istorică. Respingerea ideilor neonormandizmului din Leningrad de către susținătorii ipotezei sud-baltice de formare a statalității Rusiei Kievene, conduce, de asemenea, la un impas. Ea nu este capabilă de a rezolva problema incertitudinii textelor din letopisețe, care stau la originea ambelor teorii.

С. В. Томсинский

Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги

Ленинградский неонорманизм как направление советской археологии (середина 1960-х — 2000-е гг.) начинал развиваться в общем контексте эволюции общественного сознания в последние десятилетия существования СССР. В 1970—80-е гг. это направление претендовало на обобщения результатов исследований памятников эпохи раннего средневековья огромных территорий Восточной Европы. В современной России ленинградский неонорманизм быстро теряет актуальность.

Главный урок ленинградского неонорманизма: археология Древней Руси остается исторической археологией. Опровержение идей ленинградского неонорманизма, предпринимаемое сторонниками южнобалтийской гипотезы становления государственности Древней Руси, также ведет в тупик. Оно не снимает неопределенности летописных текстов, на которых основываются оба направления.

Ленинградский неонорманизм как направление в отечественной археологии зародился в середине 1960-х гг., в 1970—80-х пережил героическую молодость, в «лихие 90-е» стал вполне зрелым, как сложившаяся система представлений об отдаленном прошлом и, наконец, к началу XXI в. обнаружил явные признаки наступающего старения, а в 2010-е гг. определенно завершил естественный путь развития. Творчество предста-

вителей этого направления — Г.С. Лебедева, В.А. Булкина, И.В. Дубова, А.Н. Кирпичникова, В.П. Петренко, Е.Н. Носова, Е.А. Рябинина, В.А. Назаренко, В.А. Кольчатова, Д.А. Мачинского — это целая эпоха в развитии археологии Ленинграда — Петербурга, это десятки исследованных памятников и десятки преданных и благодарных учеников, это многочисленные публикации и, наконец, мощный пласт экспедиционного фольклора.

К этому направлению не мог не примкнуть по вполне объективным и субъективным причинам и Ю. М. Лесман, памяти которого посвящен этот номер журнала *Stratum plus*.

Столь завидное долголетие вызывает несомненное уважение и заставляет задуматься над сущностью феномена. Разумеется, мощными факторами выживания стали и таланты лидеров, и наличие длительно изучавшихся, ярких и выразительных «базовых памятников», и, наконец, присутствие ленинградских неонорманистов и на кафедре археологии ЛГУ — СПбГУ, и в ЛОИА — ИИМК, т. е. практически контроль над процессом подготовки новых научных кадров, ориентированных на древнерусскую проблематику. Все это так, но это не все. Проблема ленинградского неонорманизма, как и любого другого направления в познании отдаленного прошлого, не в самих интерпретациях пресловутой «норманнской проблемы» в истории России, не в соотношениях тех или иных фактов, установленных в процессе раскопок, с письменными источниками — а в том, почему, когда и как именно эти интерпретации утвердились в отечественной науке и, соответственно, почему, когда и как таковые начинают пересматриваться. Чтобы в этом разобраться, необходимо ответить, по крайней мере, на четыре весьма важных вопроса:

1. Каковы **предпосылки и причины возникновения** ленинградского неонорманизма?

2. Какие **задачи** ставили перед собой представители этого направления?

3. Каков **механизм построения реконструкций исторической действительности** эпохи раннего средневековья, предложенной ленинградскими неонорманистами?

Те самые три пункта: *актуальность, новизна, практическое применение в постижении отдаленного прошлого.*

И, естественно, последний вопрос:

4. Каковы **итоги развития** ленинградского неонорманизма?

Ответив на эти вопросы, мы, возможно, перестанем утешать себя надеждами на плодотворный диалог между «лучшими представителями» (интересно, кто там «лучший» и кто — «так себе», и по каким критериям?) норманистов и антинорманистов «в поисках истины» (Романчук 2013: 294), ибо новый всплеск полемики убеждает только в одном: обе стороны ищут истину в строго и заранее определенной системе координат; следовательно, и те, и другие уже давно убедили себя в том, что *есть истина.*

Поиски ответов существенно осложняются некоторыми обстоятельствами. Во-первых, самым объемом источников — публикаций разного объема, от тезисов на нескольких страницах до многостраничных монографий, выпускавшихся в свет группой исследователей в течение тридцати лет. Во-вторых, отсутствием в ленинградском неонорманизме внутреннего единства, следовательно, периодической полемикой представителей направления между собой.

Эти сложности вполне преодолимы, но не в рамках статьи объемом не более одного печатного листа. Многое с неизбежностью останется «за кадром». Но мы все же полагаем, что можем обратить внимание благосклонного и неблагосклонного читателя на самое существенное для правильного понимания этого феномена, представив тезисное изложение подробного анализа феномена ленинградского неонорманизма в разные периоды развития направления.

Однако, прежде всего, придется по необходимости кратко определить, что мы понимаем под «норманизмом», поскольку относительно этого понятия существуют разногласия. *Под норманизмом мы понимаем утверждение скандинавского происхождения не только династии Рюриковичей, но и древнерусской государственности как таковой.* Норманизм есть сугубо российский феномен, хотя еще в XVII в. об этом начали писать шведы, а у его истоков в XVIII в. оказались по известным причинам заезжие «немцы-академики». Ибо только для России, в конечном счете, оказался по-настоящему актуальным вопрос об «основании древнерусского государства» скандинавами — в одной из поздних работ Л. С. Клейна обнаруживается даже «*введение*» государственности (Клейн 2009: 121)! Именно поэтому ни «норманизма», ни «антинорманизма» не может быть в Западной Европе — таковые там просто бессмысленны, хотя в свое время Монтескье и пел дифирамбы викингам как «провозвестникам свободы» (sic!) (Клейн 2009: 91; Фомин 2008: 110). В отечественной исторической науке «норманнская проблема» как проблема «основания древнерусской государственности» *также не существует* хотя бы потому, что ни один источник — ни письменный, ни археологический — не содержит и не может содержать на сей счет никакой однозначной информации.

Многочратно цитированный и разобранный несколькими поколениями исследователей текст «Повести Временных лет» сохранил

до наших дней только одну из версий предания о происходившем в IX в. (а не протокольной записи событий!), зафиксированную в XII в. Причем и этот текст не содержит ни малейшего намека на «основание государственности» скандинавами хотя бы потому, что обращающиеся к ним славяне и финно-угры прекрасно знают, кто такой «князь», чем он должен заниматься, и определенно признают всю территорию своего обитания «нашей землей», что принципиально важно.

Материалы раскопок курганных могильников и поселений определенно удостоверяют присутствие в Восточной Европе скандинавов в VIII—XI вв., происхождение отдельных групп выходцев из Северной Европы, их социальный статус, но никак не определяющее значение этого присутствия в процессе государствообразования. Следовательно, «норманнская проблема» — это проблема *актуализации тех или иных интерпретаций источников*. Именно в этом контексте надлежит рассматривать и ленинградский неонорманизм 1960—90-х гг.

Динамика актуализаций норманизма и антинорманизма в отечественной исторической науке в зависимости от конъюнктур общественного сознания XIX—XX вв. вполне убедительно представлена непримиримыми оппонентами — Л. С. Клейном и В. В. Фоминым. Соответственно, то направление в отечественной археологии, которое возникло в Ленинграде в середине 1960-х гг., вполне логично именовать ленинградским неонорманизмом по отношению к норманизму двух предшествующих столетий.

Предпосылки и причины зарождения

Ленинградский неонорманизм зародился во второй половине 1960-х гг., на исходе т.н. «оттепели» — т.е. «брожения умов» советской интеллигенции, порожденного XX съездом КПСС. Одним из проявлений этого «брожения умов» должен был стать конфликт между старыми и новыми кадрами в общественных науках. Представления о предпосылках и причинах возникновения этого направления именно в Ленинграде (а ни в каком другом городе такое возникнуть не могло) изрядно деформированы возникшим в ленинградском неонорманизме мифом о «победоносной дискуссии 1965 г.» и последовавшей в 1970-е гг. борьбе с «антинорманизмом» Д. А. Авдусина. Уже для студентов кафедры археологии ЛГУ призыва 1970-х гг. все это

стало легендой, а в легенде сложно найти рациональное зерно (Тихонов 2009: 299—300). В изложении Л. С. Клейна эта самая «дискуссия» предстает некоей эпической фантазмагорией: «дискуссия» была устроена коварными историками-«идеологами» и партбюро истфака с санкции обкома КПСС (!) для ликвидации некоего очага единомыслия — семинара во главе с Л. С. Клейном. Причем оппонентом подлежащему уничтожению Л. С. Клейну был выставлен чуть ли не тайный единомышленник — И. П. Шаскольский, который блестяще проиграл «дискуссию» (а в действительности — публичное обсуждение его же монографии о норманнской гипотезе), выслушав в благодарность от победителя обвинения в научном «банкротстве». Декан факультета В. В. Мавродин и заведующий кафедрой археологии М. И. Артамонов в этом изложении присутствуют как бледные статисты на втором плане, а итог шумной баталии оказывается весьма скромным: семинар студентов-единомышленников во главе с Л. С. Клейном продолжал работать. (Клейн 2009: 141).

Однако обращение к другим источникам представляет все происходящее несколько иначе. Г. С. Лебедев, вспоминая в 1999 г. события 1965 г., коротко заметил: «М. И. Артамонов и В. В. Мавродин курировали и вели эту дискуссию, а потому она не завершилась разгромом новых советских “норманистов”» (Лебедев 1999: 103). Обратим внимание — хоть в кавычках, но все же «норманистов». Этот вывод был принят без возражений и уточнений И. Л. Тихоновым в пространном очерке развития археологии в Петербургском университете (Тихонов 2003: 201). Полную ясность вносит последняя статья М. И. Артамонова, написанная в 1972 г. и опубликованная только в 1990 г. В этой статье, полемически заостренной против П. Н. Третьякова, М. И. Артамонов, опираясь на исследования раннесредневековых древностей Восточной Европы, производившиеся И. И. Ляпушкиным, излагает свои представления о становлении древнерусской государственности, которые сводятся к следующим положениям:

1. В лесной зоне Восточной Европы до VIII — первой половины IX вв. славянские поселения неизвестны.

2. Только после освоения славянами Среднего Поднепровья начинается их продвижение на верхний Днепр и на верхнюю Оку, на исконно балтскую территорию. Вопреки мнению В. В. Седова, длинные курганы и сопки *не могут быть признаны сла-*

вянскими памятниками (Артамонов 1990: 280—281).

3. Различия между сопками и курганами норманнов на северо-западе Восточной Европы трудноуловимы (Артамонов 1990: 281).

4. Памятниками славян в лесной зоне являются круглые курганы с сожжениями, которые, как установил И. И. Ляпушкин, в Среднем Поднепровье появляются не ранее VIII в., а севернее — не ранее IX и даже X в. (Артамонов 1990: 282).

5. Освоение новых земель начинали промысловики пушнины и торговцы, причем славяне в этом процессе «ничем не отличались от скандинавских викингов», поскольку движения с севера на юг и с юга на север «порождены были такими же условиями распада первобытнообщинных отношений» (Артамонов 1990: 282).

6. Заселение новых территорий осуществлялось по речным системам. «Археологические открытия последнего времени не оставляют сомнений в том, что славянское завоевание лесной полосы Восточной Европы совпало по времени с проникновением туда же норманнов, известных в русской летописи под именем варягов. Варяги появились там местами даже раньше славян» (Артамонов 1990: 283).

7. Отрицается южно-балтийский компонент в становлении древнерусской государственности на северо-западе Восточной Европы. Славяне здесь могли только «присоединиться к варягам, и то не ранее X в., так как до этого времени славян в Приильменьи не было» (Артамонов 1990: 283).

8. «Период борьбы славян с варягами не был продолжительным и завершился объединением тех и других на почве общих целей — подчинения местного населения и обложения его данью и поборами». Упомянутый Бертинскими анналами «каганат россов» локализуется на Среднем Днепре с центром в Гнездове (Артамонов 1990: 284).

9. При этом этноним «русь» не был первоначальным названием норманнов, ставших известными славянам под именем варягов (имени тоже неясного происхождения). (Артамонов 1990: 280—287).

10. Русский каганат на Днепре был уничтожен Олегом и Игорем, которые и создали обширную «Русскую империю». (Артамонов 1990: 288).

11. «Русским у этого автора (Константина Багрянородного) выступает норманнский язык, что вполне объяснимо, так как соответствует данным о захваченных норманнами

и их династией власти над Русью». (Артамонов 1990: 288).

Именно представленные выше положения гипотезы И. И. Ляпушкина — М. И. Артамонова их ученики, ставшие ленинградскими неонорманистами, будут отстаивать и развивать в 1970—80-е гг. Г. С. Лебедев до середины 1980-х гг. будет отрицать принадлежность сопкок и длинных курганов славянам, а Д. А. Мачинский и в 1990-е гг. заявит себя приверженцем и продолжателем этой гипотезы (Мачинский 1998: 136).

Если бы Михаил Илларионович, на то время, несомненно, самый авторитетный археолог в Ленинграде, успел завершить и опубликовать свою статью тогда, в 1972 г., его статус *основоположника* ленинградского неонорманизма никто не смог бы поставить под сомнение. За Л. С. Клейном, с его ярким талантом лектора и организатора, остается почетное место действительного *основателя* и *организатора* направления, которое также никто у него отнять не сможет.

Актуальность неонорманизма именно в Ленинграде после отказа от концепции древнерусской государственности, утвержденной Б. Д. Грековым, определялась несколькими вполне объективными причинами. Во-первых, самим географическим положением Ленинграда, расположенного в непосредственном соседстве со Скандинавией. Во-вторых, присутствием в ленинградской науке таких крупных исследователей ранне-средневековых древностей Восточной Европы, как М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин, их постоянный оппонент П. Н. Третьяков, Г. Ф. Корзухина, М. А. Тиханова, и традиционным противостоянием с Москвой, много попортившим крови и москвичам, и ленинградцам, в сущности, бессмысленным — и потому временами беспощадным (Формозов 2005: 169). В-третьих, творческим наследием В. И. Равдоникаса, исследования которого утвердили особый статус Ладоги как ближайшего к Ленинграду уникального археологического памятника эпохи становления древнерусской государственности, в антропологических отложениях которого обнаружались свидетельства несомненного присутствия скандинавов. Наконец, в-четвертых — а может быть, как раз и во-первых, — тем особым психологическим потенциалом, который обнаружился в «северной столице» в период «оттепели», осознанием статуса Ленинграда как «*российских провинций столицы*» по А. М. Городницкому — определение, вполне и вызывающе совпадающее с теми обвинениями в стремлении сделать город сто-

лицей РСФСР, предъявленными в 1949 г. отнюдь не забытым в середине 1960-х фигурантам «Ленинградского дела».

Все это в совокупности определило изначальный полемический настрой ленинградского неонорманизма. Л. С. Клейн вполне осознанно настраивал своих питомцев на полемику: «Ученый мир — не дружные ребята из детской песенки. Всякое открытие — это для кого-то закрытие. И этот кто-то чаще всего маститый и власть имущий. Поэтому, сделав открытие, не надейся на всеобщий восторг. Будь готов к упорному сопротивлению, внезапным нападкам и затяжной изнурительной войне. Ученому нужен талант, во-вторых, и мужество — во-первых» (Клейн 2010а: 625). Как и любое вновь возникающее направление в науке, ленинградский неонорманизм стал в первую очередь широким полем самоутверждения научной молодежи, стремящейся обрести свое место на «ярмарке тщеславия» авторитетов и амбиций. Причем конъюнктура для первого призыва адептов нового направления складывалась исключительно удачно: все они оказались либо на кафедре археологии ЛГУ (Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов), либо в ЛОИА АН СССР (В. П. Петренко, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин, В. А. Назаренко, В. А. Кольчатов). Это вдохновляло, убеждало в собственной значимости и открывало широкие перспективы, тем более что их учителя, И. И. Ляпушкин и М. И. Артамонов, успев «поставить на крыло» талантливых учеников — покинули сей мир, т. е. перед молодежью уже не маячили, как постоянно сдерживающие центры, недостижимые высшие авторитеты мэтров.

Как же реализовались эти исключительно благоприятные предпосылки развития направления?

Задачи исследований

Поскольку ленинградский неонорманизм развивался в период нарастающего кризиса, а затем распада советского государства и, соответственно, советского общественного сознания, стратегия исследований и интерпретаций археологических и письменных источников в этом направлении не могла не меняться по мере интенсификации этих процессов. «Победу в дискуссии 1965 г.» Л. С. Клейн одержал, по его собственному откровенному признанию, представив аудитории сугубо демагогическую конструкцию — «лестницу норманизма» и предложив в итоге отказаться от самого этого термина: «Не будем же торопиться порицать и норманнскую гипотезу. А может

быть, и таким названием незачем это положение торопиться окрестить, а считать, что это просто обычный фактологический анализ материала» (Клейн 2009: 133). Этот отказ от «ярлыка» норманизма в 1965 г. мог казаться обычной советской мимикрией — впрочем, подлинный окрас все же проглядывает из-под защитного: все же, «может быть, незачем торопиться окрестить». Но — и позднее, когда уже не будет никакой необходимости мимикрировать перед «идеологами», адепты направления будут либо признавать себя «норманистами в кавычках», как в приведенной выше цитате из Г. С. Лебедева, либо вообще отречься от норманизма, предлагая взамен неуклюжие определения вроде «русо-варяжизма», как в работах Д. А. Мачинского (Мачинский 1998) И это при том, что поэтический манифест направления, созданный В. П. Петренко, называется, как известно, «Гимн оголтелого норманизма», и нет никаких оснований усматривать в этом названии иронию.

Полагаем, что отказ от норманизма для ленинградских неонорманистов был так важен потому, что изначально и, надо признать, весьма неловко, маскировал не только некие «антисоветские» установки, но откровенную *неоригинальность* этого направления. В самом деле, если пересмотреть хотя бы работы Л. С. Клейна, собранные под одной обложкой и общим названием «Спор о варягах», то в итоге получается, что в течение трех десятилетий энергичные, талантливые, амбициозные исследователи, в конечном счете, доказывали... правоту Г. Ф. Миллера в полемике с М. В. Ломоносовым и положения теории «торгового города», сформулированные В. О. Ключевским. Неоригинальность определяется, *sit venia verba*, — *заскорузлостью* самой «норманнской проблемы» в отечественной исторической науке.

И, однако, была и явная претензия именно на оригинальность. «Победа в дискуссии 1965 г.» была одержана еще и потому, что все мероприятие прошло под лозунгом признания особой значимости археологических источников, которые должны, наконец, конкретизировать эту самую «проблему», ибо многократное «просеивание» лаконичных и неоднозначных письменных источников завело историков в тупик. Причем среди оппонентов Л. С. Клейна — и это важно! — археологов, которые могли бы указать на реальные сложности интерпретаций материалов раскопок, просто не было. По сути, было декларировано: *мы можем доказать — и мы докажем, поскольку археологический материал все прибывает и прибывает!* — что норман-

ны действительно основали Древнерусское государство, но это не будет «норманизм», а будет не противоречащий марксизму доказанный факт. Расизм вне марксистской концепции, вне науки. А относительно превосходства или не превосходства — выводы делайте сами. Но — научные выводы!

Все дальнейшее развитие ленинградского неонорманизма в советский период станет реализацией этой программы. В 1970—80-е гг. одна за другой появляются работы Г.С. Лебедева, В.А. Булкина, И.В. Дубова, Е.Н. Носова, именно в этом контексте представлявшие материалы раскопок памятников северо-запада Восточной Европы, Верхнего Поднепровья и Подвинья, Волго-Окского междуречья — разумеется, в соотнесении с теми самыми письменными источниками, которые, как было констатировано еще на «дискуссии 1965 г.», «исчерпали себя» (Лебедев 1977а; 1977б; Булкин, Лебедев 1974; Булкин, Дубов, Лебедев 1978; Лебедев 1985; Дубов 1979а; 1979б; 1979в; Дубов 1982; Носов 1974; 1976; 1984а; 1984б; 1990).

Но в «перестроечные» годы и тем более в постсоветской России, подлинно оголтело устремившейся «в Европу», или, по крайней мере, «к Европе», эта программа неонорманизма быстро стала банальностью, что с неизбежностью должно было открыть перед исследователями, далеко еще не исчерпавшими свой потенциал, новые горизонты самореализации. Эти новые горизонты открылись еще в середине 1980-х, когда появилась, наконец, долгожданная возможность сотрудничества с зарубежными коллегами, изучавшими проблемы материальной и духовной культуры раннесредневекового населения Прибалтики. Именно с 1980-х гг. в работах ленинградских неонорманистов все отчетливее ощущается пафос изначального «европейства» Древней Руси и представляются читателям головокружительные перспективы «Балтийского сообщества», «Северного Средиземноморья», в котором с неизбежностью отводится особое место Ладоге, ставшей после возобновления в 1972 г. археологических исследований Земляного городища «базовым памятником» всего направления. «Ладогоцентризм» стремительно нарастал по мере осознания невозможности удержать в сфере влияния ленинградских исследователей Волго-Окское междуречье (после завершения исследований Тимеревского поселения И.В. Дубовым) и Верхнее Поднепровье (Гнездовский комплекс прочно закрепили за собой москвичи) и в целом вполне соответствовал реальному потенциалу Ленинграда,

а потом и Петербурга как исследовательского центра. Ладога уверенно представляется средоточием всех сложных процессов становления государственности, столицей огромного «каганата росов» в VIII—IX вв. и древнейшей столицей Руси (напомним только наиболее значительные публикации на эту тему: Лебедев 1985: 208; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986; Мачинский 1998: 129—130; 2003: 32—35; 2009: 529—530; Кирпичников 1986: 18—21; 2002: 37—40).

Собственно, на этой стадии «ладогоцентризма» ленинградский неонорманизм, так и оставшийся «ленинградским» уже в Петербурге, и завершает свое развитие. Не потому, что ушли из жизни или из науки те, кто начинал направление в первом призыве питомцев Л.С. Клейна, а просто потому, что больше добавить к сказанному уже нечего. Кроме того, упоенный «ладогоцентризм» в основных своих положениях вступил в противоречие уже не только с материалами раскопок самой Ладоги и других памятников, но и с элементарным здравым смыслом. Для новых кадров, обращающихся к этой проблематике, остается только критика и пересмотр построений, утвердившихся в 1970—1990-е гг.: передатировка сопков, отказ от «ладогоцентризма» и т. д. (Кузьмин 1997а; 1997б; 1997в; 1999; 2000; 2001; Михайлов 1996; 1997; 2002; 2009). И это будет уже не ленинградский неонорманизм, тем более, что и реалии современной России оставляют все меньше места для восторгов от изначального «европейства» древнерусской государственности.

Однако это поле для самореализации оказывается несравненно уже сравнительно с теми просторами, которые открылись перед ленинградскими неонорманистами во второй половине 1960-х гг. И в теоретической перспективе — ничего, кроме тех же самых положений В.О. Ключевского. Круг замкнулся.

Гипотезы, догадки и мистические прозрения

Итак, откровенно неоригинальное направление в отечественной археологии продержалось тридцать лет, успешно отражая периодические натиски оппонентов и активно привлекая новые кадры. Уверенность в своей правоте неонорманистам придавали особые конструкции построений сторонников этого направления, к которым имеет смысл приглядеться внимательнее.

Как мы помним, ленинградский неонорманизм изначально исходил из гипотезы И.И. Ляпушкина — М.И. Артамонова,

вполне обоснованной, проверяемой и плодотворной для того времени, когда эта гипотеза выдвигалась авторами, т. е. для второй половины 1960—1970-х гг. Однако построения учителей надо было конкретизировать и корректировать, направление требовало развития.

И на первом этапе развития направления ленинградские неонорманисты с увлечением приступили к анализу материалов раскопок курганных могильников, в которых должно было отразиться присутствие скандинавов в Восточной Европе в IX—XI вв. Истину искали во входящей тогда в моду статистике и комбинаторике, причем Л. С. Клейн еще во время дискуссии 1965 г. предложил весьма оригинальную методику подсчетов. По его мнению, «поскольку письменные источники знают о проживании на этой территории не одних только славян, этническую принадлежность курганов позволительно определять только по достоверным признакам: курган с безусловно скандинавскими признаками — варяжский, с безусловно славянскими — славянский, а без четких признаков — неизвестно чей, и в расчет этнического состава населения приниматься не должен». (Клейн 2009: 112). Перечитывая воспоминания Л. С. Клейна, так и видишь несчастных историков, среди которых упомянуты, помимо оппонента — И. П. Шаскольского, — В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро и, конечно, те самые «злодеи» из факультетского партбюро, на которых в душной, битком набитой аудитории обрушивается эта лукавая математика! Впрочем, присутствует и доктор математических наук А. И. Попов — но вроде бы не подает никаких реплик, значит, склонен согласиться.

Между тем совершенно очевидно, что предложенная методика подсчетов ведет к грубым искажениям представлений об исторической действительности. «Неопределимых» погребений не только в Гнездове, но и во многих синхронных могильниках большинство. И в этих курганах погребены люди, этническую принадлежность которых археологи определить не могут, ибо не могут подвергнуть погребенных допросу — а иных достоверных данных у археологов нет. Археологи могут только составить представление о статистике «этнически определимых погребений». Тем не менее, они, археологи, убеждая самих себя и тех, кто захочет убедиться, игнорируют этих самых «неопределимых» погребенных либо изо всех сил пытаются уличить их в том, в чем очень хочется уличить, — в славянстве, скандинавстве или финно-угорстве.

Позднее, в 1973 г., Л. С. Клейн предложил иную методику подсчетов, ибо проблема «неопределенных погребений» курганных могильников оставалась по-прежнему острой. Теперь предполагалось «разбить весь могильник на четко очерченные группы, а затем рассмотреть распределение этнических показателей по всем группам. При таком подходе возможна этническая атрибуция целых групп, включая и те погребения, которые в отдельности не имеют четких этнических показателей» (Клейн 2009: 181).

В дальнейшем статистика и комбинаторика элементов погребального обряда и различных групп находок будет занимать достойное место в построениях ленинградских неонорманистов. Однако подлинным источником вдохновения для исторических обобщений эта методика станет, пожалуй, только у Ю. М. Лесмана. Большинству его коллег очень скоро станет тесно в статистических штудиях, сколь бы достоверными ни казались полученные результаты. Они хорошо научились считать и комбинировать. Но трудно — если вообще возможно — соотносить «Гимн оголтелого норманизма» со скрупулезной комбинаторикой «этнических показателей».

Много значил для дальнейшего развития направления уход Л. С. Клейна от скандинавской проблематики: основатель направления увлекся иными проблемами, а его ученики, уже увлеченные образами скандинавской мифологии, «звериного стиля» и скальдической поэзии, не могли не остаться с этой проблемой до конца. Для них главным стало *достижение времени*, а не теоретические умствования. Ничего удивительного в этом нет: со времени той самой Касплянской разведки 1966 г., когда молодые исследователи увидели своими глазами *волок, по которому должны были перетаскивать норманнские суда*, когда зазвучали строфы песен В. П. Петренко, в ленинградском неонорманизме очень важной стала *эстетическая компонента восприятия исторической действительности*. А с течением времени эта компонента должна была только усиливаться, ибо образ всегда воздействует на сознание сильнее, чем доказательства и опровержения научных гипотез. Разумеется, это не означает, что ленинградские неонорманисты пренебрегли кропотливой исследовательской работой, отнюдь нет, но результатом этой работы непременно должны были оказаться глобальные обобщения в стиле монументального историзма — на меньшее они, вдохновлявшиеся сагами, были просто не согласны. Между тем археологические источни-

ки, которыми они оперировали, как и археологические источники, отразившие реалии более отдаленных эпох, по природе своей амбивалентны, а письменные источники не допускают однозначной интерпретации. И это означало, что рано или поздно реконструкции исторической действительности будут основываться не на результатах анализа материалов раскопок археологических памятников, а на интуиции, умозрительных построениях и, в конечном счете, мистических откровениях.

В ленинградском неонорманизме эта тенденция наметилась довольно рано, еще в 1970-е гг. В 1974 и 1978 гг. увидели свет уже упоминавшиеся выше коллективные работы «кафедральных» неонорманистов — статья Г.С. Лебедева и В.А. Булкина «Гнездово и Бирка» и монография Г.С. Лебедева, В.А. Булкина и И.В. Дубова «Археологические памятники средневековой Руси», претендующие на глобальные исторические обобщения материалов раскопок памятников VIII—XI вв. (Булкин, Лебедев 1974; Булкин, Дубов, Лебедев 1978). В этих работах читателю была представлена «гипотеза ОТП» — неких открытых торгово-ремесленных поселений, недолго существовавших, но принципиально значимых для процесса становления древнерусской государственности. В этих самых ОТП якобы вызревали новые общественные институты (дружина, торговые и ремесленные объединения). Насколько можно понять из текста статьи 1974 г., единственным источником вдохновения авторов, решившихся на столь ответственные выводы, стала статья Г. Янкуна, обнаружившего такие поселения в Северной Европе: Г.С. Лебедев и В.А. Булкин прямо отождествляют в этой статье Гнездово с «виками» Скандинавии (Булкин, Лебедев 1974: 15; Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 139—140).

Ни один из признаков «ОТП», выделенных авторами с оглядкой на выводы Г. Янкуна, применительно к раннесредневековым древностям Восточной Европы не подтверждается однозначно материалами раскопок: ни «открытость», т. е. отсутствие укреплений, ни «нестабильность состава населения», ни «слабое развитие производящего хозяйства», ни тем более — «вызревающие новые социальные институты». А следовательно, «гипотеза ОТП» не может быть признана полноценной научной гипотезой. Мало того, Д.А. Авдусин, ставший активным оппонентом ленинградцев хотя бы потому, что ссылка на работу бывшего эсэсовца Г. Янкуна не могла не вызвать негодование фронтовика Великой Отечественной (а бывают «бывшие» эсэсовцы?!), обратил

внимание на то, что построения «гипотезы ОТП» — парафраз «концепции торгового города» В.О. Ключевского, только без внятных ссылок на Василия Осиповича (Авдусин 1980: 39—42). Московские рецензенты — ученики Д.А. Авдусина — подвергли монографию 1978 г. суровому разбору, осторожно отметив «отсутствие методики», ленинградские — Д.А. Мачинский и Ю.П. Шаскольский, как и следовало ожидать, высоко оценили (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982; Мачинский, Шаскольский 1982). Этот казус с В.О. Ключевским требовал объяснений, хотя бы задним числом, в историографической ретроспективе. И такие объяснения, весьма примечательные, пришлось через много лет давать Е.Н. Носову. Оказывается, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин и И.В. Дубов в полемическом задоре «не писали и не думали» о концепции В.О. Ключевского (Носов 2009: 353). Получается нечто странное: чем же занимались питомцы Л.С. Клейна в знаменитом семинаре, если «проглядели» концепцию В.О. Ключевского? И можно ли поверить, что взрослые, талантливые люди с высшим образованием «не понимали» значения своих выводов?

Однако Е.Н. Носов хорошо знал своих коллег и, стало быть, имел основания для таких выводов — пусть чего-то и недосказал. Как все же «проглядели торговый город»? Возьмем на себя смелость предположить, что сработало свойственное всем нам *самовнушение преодоления Порога Познания*, возникающее из вполне априорной уверенности в своей правоте. Только так можно объяснить, что исследователь не видит *очевидных* слабостей своих построений и упорно отстаивает таковые. В данном случае поводом для самовнушения, по-видимому, послужила упомянутая выше статья Г. Янкуна — но принятая, в первую очередь, не столько как собственно научная гипотеза (которую, несомненно, признали обоснованной, плодотворной и проверяемой), но как *образ*, ярко отражающий уже сложившиеся представления ленинградских неонорманистов о том, *какой* должна быть историческая действительность эпохи раннего средневековья. Образ «виков» породил образ ОТП и начал воздействовать на сознание авторов и аудитории помимо очевидных несообразностей «гипотезы». Кстати, «кафедральные» неонорманисты не обнаружили активного стремления присоединиться к этой «гипотезе», хотя иногда на нее и ссылались. И самими авторами оставлена она была довольно быстро — на новом уровне обобщений в ней переста-

ли нуждаться. Попытки откорректировать «гипотезу ОТПП» нельзя признать удачными: коррекции эти построения не поддаются (Белецкий 1996: 20). Однако «гипотеза» оказалась очень важной для направления, ибо именно она сформировала специфический *образный язык* ленинградского неонорманизма. Формулы этого языка оказались очень устойчивыми: «торгово-ремесленное поселение», «поток» (арабского серебра, поселенцев, «импортов» — «импорты» тоже устойчивая формула!), «путь», «протогородское поселение». В том, что это именно образы, а не понятия, основанные на достоверных поддающихся проверке суждениях, достаточно легко убедиться, задавшись вопросом о реальной информативности археологических источников. Так, находки «импортов» и дирхемов на том или ином памятнике, строго говоря, сами по себе определенно свидетельствуют только о бытовании этих предметов и монет у обитателей поселения, но никак не о том, что каждый предмет и монета были здесь именно предметом торговли, а не трофеем, подарком, приданым, выкупом за невесту и т.д. Что такое «протогородское поселение», исследователи, уверенно оперировавшие этим термином, так и не смогли внятно объяснить и не смогут никогда, хотя бы по причине неоднозначности представлений о том, что такое, собственно, «город» в эпоху раннего средневековья в Восточной Европе. «Торгово-ремесленное поселение» — самый устойчивый образ, актуальный для исследователей до настоящего времени, — что, собственно, означает это словосочетание? Что все обитатели поселения — торговцы и ремесленники? Но это недоказуемо даже для таких памятников, как Ладога, более того, материалы раскопок Ладоги достаточно выразительно противоречат такому предположению. Что уж там говорить о Гнездове, Тимереве и прочих поселениях, в которых хотят видеть «торгово-ремесленные». Упоминание о «потоках» создает у читателя представление о мощном *непрерывном* движении — в то время как перемещение дирхемов, тем более групп мигрантов могло быть только *дискретным*. Наконец, и термин «путь» сам по себе не нейтрален, ибо в общем контексте построений ленинградских неонорманистов ставит важный акцент протяженности, проторенности и налаженного функционирования по подсознательной аналогии с употреблением этого слова в современном русском языке («железнодорожные пути»).

С 1970-х гг. в публикациях ленинградских неонорманистов эти образы не просто

постоянно и настойчиво повторяются — они стали парадигмой ленинградского неонорманизма, т.е. обрели императивную обязательность и огромную силу инерции (Кун 1977: 11, 28, 29, 281). Может ли уважаемый читатель назвать нам хоть одного археолога, который, активно и плодотворно работая в Ленинграде — Петербурге, открыто *отрицал* бы парадигму ленинградского неонорманизма? Не избегал бы высказываться откровенно по этой проблематике, а именно *отрицал* бы, рискуя прослыть «*антинорманистом*»? Мы — не можем. Ибо такое невозможно в принципе — при том, что достаточно серьезные попытки пересмотра отдельных положений в рамках парадигмы, конечно, предпринимаются. Парадигма не придала построениям ленинградских неонорманистов достоверности, но зато поддерживала *незаурядное обаяние* направления. Обаяние, т.е. притягательность, привлекательность, способность нравиться, присуще не только отдельным личностям, но и гипотезам, догадкам, концепциям — причем часто вне прямой зависимости от их достоверности, как обаяние личности не зависит от «внешних данных». И в том, и в другом случае обаяние поддерживается соответствием неким запросам общественного сознания, порожденным конъюнктурой текущего момента. Ленинградский неонорманизм в этом отношении — не исключение, а скорее выразительная демонстрация этих механизмов обаяния.

Действительно, от адептов этого направления много ждали — и они, надо отдать им должное, много ждали сами от себя. И не только подтверждений чуть ли не всеобщих и определенно наивных ожиданий коллег-гуманитариев в особой информативности археологических источников сравнительно с источниками письменными. Нелепо отрицать, что «норманнская проблема», занимавшая несколько поколений историков в Российской империи и СССР, в 1960—70-е гг. была актуализирована осязательными сначала слабо, а потом все отчетливее симптомами кризиса советского социума. Ленинградский неонорманизм оказался весьма заметным компонентом интеллигентской евроутопии в позднесоветском обществе: утверждения изначального «европейства» Древней Руси и государствообразующего значения торговли в этом контексте могли восприниматься только как многозначительные намеки на грядущее восстановление древнего единства.

Естественно, по мере распада советского общественного сознания ленинградский

неонорманизм радикализировался от умеренного «фрондерства» под бдительным надзором партийных структур к откровенному антисоветизму, принимавшему в работах отдельных представителей направления даже не крайние — гротескные формы (Мачинский 2009: 531—532). Так что ожидания оказались оправданными. Иначе и быть не могло: первый призыв представителей ленинградского неонорманизма принадлежал к генерации «шестидесятников»; мировоззрение этой генерации с неизбежностью должно было оказать сильное влияние и на их учеников.

Здесь не место подробно анализировать многочисленные и полярно противоположные характеристики «шестидесятников», дававшиеся историками, публицистами и беллетристами — от восторженных до крайне уничижительных. Обратим внимание — сугубо тезисно — только на самое существенное для нашей темы.

«Шестидесятники» XX века, как и их предшественники и «тезки» — «шестидесятники» века XIX, ощутив ослабление репрессивного пресса и приближение неких перемен, вознамерились утвердить особый статус «образованного класса». Основания для такого порыва были вполне реальные: советская интеллигенция быстро росла количественно. По данным А. В. Соколова, если в 1950 г. насчитывалось 1442,8 тыс. специалистов с высшим образованием, то в 1960 г. — 3535,2 тыс., а к 1970 г. — 6852,6 тыс. (Соколов 2007: 250). Одновременно стало меняться и самосознание советских интеллигентов, утверждавшихся в представлениях о своей особой значимости в быстро меняющемся обществе (Кустарев 2006: 92—112). Среди ученых этой статистикой и увлеченных заманчивыми перспективами самореализации — и ленинградские неонорманисты.

Именно через соблазн повышения статуса, подвигающий способную молодежь к образованию, российская интеллигенция, как имперская, так и советская, пришла к аутистическому мышлению, актуализирующему не то, что есть на самом деле, а то, что должно быть, чтобы субъект продолжал испытывать удовольствие от прибавления своего совершенства (Кара-Мурза 2008: 148—182). В аутистическом сознании эмоционально-образное мышление решительно преобладает над мышлением логическим, т.е. реалии окружающего мира воспринимаются исключительно как образы-идеологемы.

Но, как известно, итог интеллигентских дерзаний в целом оказался для «ше-

стидесятников» XX в., как, кстати, и для их тезок-предшественников во времени, «шестидесятников» XIX в. — весьма печален: «Потребность в статусном самоутверждении вынуждала интеллигенцию брать на себя обязательства, которые она не в состоянии была выполнить. Установки сплошь и рядом нарушались. Те, кто ее декларировал и не выполнял, вовсе не были сознательными шарлатанами. Установка была, прежде всего, нереалистична» (Кустарев 2006: 100).

В полной мере это относится, как было показано выше, и к ленинградскому неонорманизму. В реконструкциях отдаленного прошлого каждый вывод должен представлять собой либо обоснованное установленными однозначно фактами суждение (достоверное знание), либо обоснованную, плодотворную и проверяемую гипотезу (недостоверное знание). Но рассуждения о «вызревании в ОТПП новых социальных структур» или о «Ладоге — столице каганата росов» определенно не являются ни достоверным знанием, ни гипотезами. Направление замкнулось в круге образов, которые актуализировались настолько, что в некрологах и посвящениях коллегам ленинградские неонорманисты вполне серьезно представляют последних «витязем», «морским викингом», «дренгиром» (Клейн 2009: 261; Мачинский 2004: 11; Белецкий 1996: 5). Воистину: «Окружающая действительность воспринималась интеллигенцией как материализация всем хорошо известных текстов» (Экштут 2012: 378). Тем более прошлое воспринималось и воспринимается так же. И в этот образный ряд, в конечном счете, встраивались все вполне реальные и, несомненно, весьма значительные достижения каждого из ленинградских неонорманистов в изучении раннесредневековых древностей северо-запада Восточной Европы и Волго-Окского междуречья: сопки и длинных курганов, курганов Приладожья, Ладоги, Рюрикова городища и прочих поселений Поволжья, Пскова, могильников и поселений Ярославского Поволжья.

Творчество Юрия Михайловича Лесмана, собственно, потому и было принципиально важно для развития направления, что его талант счастливо сочетал способность к скрупулезному анализу огромных объемов источников и видение больших проблем в небольших и как будто незначительных сериях находок. Разумеется, эти качества в той или иной степени присущи и другим исследователям, но у Юрия Михайловича они были не просто принятой методикой работы с источниками, на которых основывались некие выводы,

№5. 2014

а личностной доминантой, определявшей отношения и с оппонентами, и с единомышленниками. Его уход — несомненно, невосполнимая потеря для направления как раз в тот момент, когда начался новый акт полемики с антинорманистами, причем в обстановке, в целом малоблагоприятной для коллег Юрия Михайловича.

Уместно напомнить, что в 1990-е гг. в ленинградском неонорманизме особенно усиливается имитационная составляющая и откровенная мистика не столько потому, что пала советская цензура, сколько потому, что, как отмечалось выше, к этому времени направление было просто некуда рационально развивать дальше: все, что можно было сказать о благотворном влиянии скандинавов на Восточную Европу, было уже сказано.

Преодоление ленинградского неонорманизма должно было начаться не просто как представление неких фактов, противоречащих неким постулатам, а именно как *отрицание этих образов* — и внутри самого направления, ибо ученикам, как всегда, надо было самоутверждаться, отрицая и корректируя наследие учителей. Однако, как и следовало ожидать, окончательный приговор ленинградскому неонорманизму прозвучал не в Петербурге, а со стороны — из Москвы. Позволим себе пространную цитату из статьи Н. А. Макарова, обратившего внимание аудитории на то, что следовало бы признать если не тридцать, то уж определенно двадцать лет назад: «Не следует в то же время переоценивать демографический потенциал Севера в IX — первой половине X в. Показательны, прежде всего, скромные размеры торгово-ремесленных поселений и административных центров. Попав на общие карты средневековой Европы и Средиземноморья, они постепенно стали восприниматься как соразмерные средневековым столицам. Площадь Рюрикова городища оценивается Е. Н. Носовым как 6—7 га, площадь Ладоги на раннем этапе ее существования не превышала 8 га, площадь Сарского городища вместе с посадами составляла 3 га. Городища в Приильменьи и Поволховье имеют минимальные размеры — 0,2—0,5 га. При всей значимости этих поселений, кажется очевидным, что их собственные людские ресурсы и экономические возможности были недостаточны для установления контроля над территориями, простиравшимися от Балтийского моря до границ степи» (Макаров 2012: 455). Авторитетное заключение одного из крупнейших на сегодняшний день специалистов в области археологии Древней Руси включает в себе ясный намек на то, что уче-

ное сообщество больше не намерено всерьез обсуждать построения о «первых столицах Древней Руси» в Поволховье, тем более что и относительно «Сказания о призвании варягов» Н. А. Макаров высказался как об источнике сомнительной достоверности (Макаров 2012: 457). Перемасштабирование памятников VIII—X вв. на северо-западе Восточной Европы завершено — вне всякой связи со вновь вспыхнувшей полемикой относительно скандинавского или западнославянского происхождения Рюрика со товарищи, существование которого так и не могут и не смогут удостоверить ни историки, ни археологи. И это означает, что дальнейшие — и, несомненно, плодотворные — исследования тех памятников, которые стали «базовыми» для ленинградского неонорманизма, могут продолжаться сугубо в региональных контекстах, а не в масштабах «Северного» или «Скандинавского Средиземноморья» или «Балтийского сообщества».

На этом фоне развернулся очередной раунд полемики неонорманистов с антинорманистами, которых возглавил В. В. Фомин, отстаивающий южно-балтийское происхождение летописных варягов IX в. — со всеми, как говорится, вытекающими. В наши задачи не входит анализ этой концепции, равно как и анализ самой полемики, уже давно сводящейся к известному древнерусскому аргументу: «Сам еси таков!» Ограничимся краткими замечаниями на сей счет.

Чтобы оценить степень достоверности южно-балтийской концепции происхождения летописных варягов IX в. — коль уж нам настоятельно необходимо уточнить таковое, — необходимо глубоко погрузиться в проблематику тех письменных и археологических источников, которые отразили бытие славян и германцев на южном побережье Балтики. Не выхватывать отдельные аналогии, пусть даже самые убедительные и яркие, — а именно погрузиться, проанализировать подробно хронологию, вещевой комплекс, погребальный обряд, чтобы свободно оперировать этим огромным материалом. В Петербурге, да и в Москве, таких специалистов по археологии Южной Прибалтики просто нет. Более того, есть все основания полагать, что эта задача вряд ли под силу одиночкам, положительный результат может получить — и то не сразу — только коллектив исследователей, объединенных общей целью, причем в тесном и доброжелательном сотрудничестве с зарубежными коллегами. Пока эта перспектива представляется сугубо утопической — как по вполне объективным,

так и по субъективным причинам: кадры исследователей отвлечены более актуальными задачами. Следовательно, и невозможно отдать предпочтение южнобалтийской концепции, что, естественно, никак не мешает никому развивать и отстаивать таковую.

Что касается полемики норманистов и антинорманистов — таковая, как и в предшествующие периоды, стимулируется (причем с обеих сторон) реалиями современности постсоветской России и потому явно с неизбежностью приняла крайне острые формы. Взаимоинвективы Л. С. Клейна и В. В. Фомина, вероятно, доставляют немалое удовольствие обоим, ибо поддерживают участников поединка в тонусе — но со стороны производит откровенно удручающее впечатление (Клейн 2009: 216—220; 2010б: 10; Фомин 2013). Ибо обе стороны, взывая к научной объективности, отстаивают идеологемы — чего собственно, и не скрывают, но ценность обеих идеологем в контексте настоящего представляется сомнительной. Соответственно, какие бы аргументы ни приводили обе стороны, а среди этих аргументов есть заслуживающие несомненного внимания, — эта полемика не может быть продуктивной для науки. Это — уже не о том.

Главный урок ленинградского неонорманизма вполне очевиден: археология Древней Руси, какие бы методические инновации ни декларировали исследователи, изучаю-

щие древности VIII—XIII вв., остается исторической археологией. Стремление преодолеть Порог Познания, напрямую соотносить материалы раскопок с письменными источниками — неизбежно. Между тем скепсис рано или поздно должен пробить стены этого несокрушимого бастиона историзма, и в провозглашенных ленинградскими неонорманистами вдохновенных реконструкциях отдаленного прошлого, в их несокрушимой уверенностью в реальности Рюрика и Олега Вещего, в мистических прозрениях — прозвучали первые глухие толчки неизбежного потрясения основ. Ибо именно эти откровения со всей определенностью обозначили неопределенность и «широкой» хронологии, и летописных текстов, на которых они основывались. Опровержение построений ленинградского неонорманизма, предпринимаемое как их оппонентами, так и их учениками, как простая констатация «ошибок» представителей этого направления, тем более как утверждение истинности «южнобалтийской гипотезы» становления древнерусской государственности, — ведет в тупик, ибо отнюдь не снимает этой неопределенности. И очень вероятно, что именно из Петербурга прозвучит рано или поздно голос скептика: ситуация, складывающаяся в археологическом сообществе северной столицы, вполне может подвинуть к сомнениям в аксиомах.

Литература

- Авдусин Д. А. 1980. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным). *Вопросы истории* (12), 24—42.
- Артамонов М. И. 1990. Первые страницы русской истории в археологическом освещении. *СА* (3), 277—296.
- Белецкий С. В. 1996. Начало Пскова. *Археологические изыскания* 30. Санкт-Петербург: РАН.
- Булкин В. А., Лебедев Г. С. 1974. Гнездово и Бирка. В: Кирпичников А. Н., Раппопорт П. А. (отв. ред.). *Культура Средневековой Руси*. Ленинград: Наука, 11—17.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. *Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков*. Ленинград: ЛГУ.
- Дубов И. В. 1979а. Скандинавы и Волжский путь. В: *VIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. Тезисы докладов. Ч. 1. Петрозаводск, 137—139.
- Дубов И. В. 1979б. Тимеревский комплекс — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов. В: *Финно-угры и славяне*. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Ленинград: Наука, 110—118.
- Дубов И. В. 1982. *Северо-Восточная Русь в эпоху ранне-го средневековья*. Ленинград: ЛГУ.
- Кара-Мурза С. Г. 2008. *Потерянный разум*. Москва. Алгоритм.
- Кирпичников А. Н. 2002. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 34—58.
- Клейн Л. С. 2009. *Спор о варягах*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Клейн Л. С. 2010а. *Трудно быть Клейном*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Клейн Л. С. 2010б. Варяги, антинорманизм и час истины. *Троицкий вариант — наука* 63, 28 сентября.
- Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А. 1982. Рец.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. *Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков*. Ленинград: ЛГУ. *СА* (2), 277—288.
- Кузьмин С. Л. 1997а. Начальный этап истории Ладоги. В: *XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. Тезисы докладов. Москва; Петрозаводск, 166—168.
- Кузьмин С. Л. 1997б. Первые десятилетия истории Ладожского поселения. *Stratum + Петербургский археологический вестник. Европейская Сарматия*. 1997, 228—235. Санкт-Петербург; Кишинев, 228—235.
- Кузьмин С. Л. 1997в. Ярусная стратиграфия нижних слоев Ладожского городища. В: Белецкий В. Д., Александров А. А., Кирпичников А. Н. (ред.). *Памятники старины. Концепции. Откры-*

№5. 2014

- тия. *Версии* I. Санкт-Петербург: ИИМК; ПГОИАХМЗ, 343—358.
- Кузьмин С. Л. 1999. Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX века. В: Носов Е. Н. (ред.). *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 189—199.
- Кузьмин С. Л. 2000. Сопки Нижнего Поволжья. В: *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 174—183.
- Кузьмин С. Л. 2001. Рождение Северо-Западной Руси: демогенез и культурогенез. В: Мачинский Д. А., Селин А. А. (ред.). *Пятые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 63—73.
- Кун Т. С. 1977. *Структура научных революций*. Москва: Прогресс.
- Кустарев А. С. 2006. *Нервные люди*. Москва: Товарищество научных изданий КМК.
- Лебедев Г. С. 1973. Отражение социальной структуры в археологических материалах. В: Протасенко З. М. (ред.). *Философия. История. Современность*. Ленинград: ЛГУ, 55—63.
- Лебедев Г. С. 1975. Путь из Варяг в Греки. *Вестник ЛГУ* 20, 37—43.
- Лебедев Г. С. 1977а. *Археологические памятники Ленинградской области*. Ленинград: Лениздат.
- Лебедев Г. С. 1977б. Начало Верхней Руси по данным археологии. В: *Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР*. Ленинград: Наука, 44—48.
- Лебедев Г. С. 1985. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Ленинград: ЛГУ.
- Макаров Н. А. 2012. Исторические свидетельства и археологические реалии. В: Макаров Н. А. (отв. ред.). *Русь в IX—X вв. Археологическая панорама*. Москва: Институт археологии РАН; Российский гуманитарный научный фонд, 449—459.
- Мачинский Д. А. 1998. Эпоха викингов в «Скандинавском средиземноморье» и «русо-варяжский период» на «восточных путях» (Austurvegir). В: *Ладога и эпоха викингов. IV чтения памяти Анны Мачинской*. 21—23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 130—139.
- Мачинский Д. А. 2003. Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу». В: *Старая Ладога. Древняя столица Руси*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 11—35.
- Мачинский Д. А. 2004. Глеб Лебедев и Ладога. В: *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 3—15.
- Мачинский Д. А. 2009. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI вв. *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света*. ТГЭ XLIX, 460—538.
- Мачинский Д. А., Шаскольский И. П. 1982. Рец.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Ленинград: Изд-во ЛГУ. СА (2), 288—291.
- Михайлов К. А. 1997. Погребение воина с конями на вершине плакунской сопкивидной насыпи в свете погребальной традиции эпохи викингов. В: *Древности Поволжья*. Санкт-Петербург, 105—116.
- Михайлов К. А. 2002. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии). В: *Ладога и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Санкт-Петербург, 63—68.
- Михайлов К. А. 2009. Погребальные памятники как отражение социальной стратификации древнерусского общества в эпоху раннего средневековья. *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света*. ТГЭ XLIX, 179—188.
- Носов Е. Н. 1974. Источники по славянской колонизации Новгородской земли. *Вспомогательные исторические дисциплины* 6. Ленинград: Наука, 212—214.
- Носов Е. Н. 1976. Балтийско-волжский путь и поселения ильменского бассейна и Поволжья в конце VIII—X вв. *ТД Сканд.* 7. Ч. 1. Ленинград; Москва, 137—139.
- Носов Е. Н. 1984а. Археологические памятники Новгородской земли VIII—X вв. В: *Археологическое исследование Новгородской земли*. Ленинград: ЛГУ, 85—107.
- Носов Е. Н. 1984б. Новгород и Новгородская округа (к вопросу о возникновении Новгорода). В: *Древнерусский город*. Киев: Наукова думка, 90—92.
- Носов Е. Н. 1990. *Новгородское (Рюриково) городище*. Ленинград: Наука.
- Носов Е. Н. 2009. Послесловие. В: Клейн Л. С. *Спор о варягах*. Санкт-Петербург: Евразия, 344—356.
- Романчук А. А. 2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* (5), 283—302.
- Соколов А. В. 2007. *Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории*. Санкт-Петербург: СПбГУП.
- Тихонов И. Л. 2003. *Археология в Санкт-Петербургском университете. Историкографические очерки*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Тихонов И. Л. 2009. Отблеск «Варяжского семинара» в годы застоя. В: Клейн Л. С. *Спор о варягах*. Санкт-Петербург: Евразия, 297—301.
- Фомин В. В. 2008. *Начальная история Руси*. Москва: Русская панорама.
- Фомин В. В. 2013. *Гольи конунг. Норманизм как диагноз*. Москва: Алгоритм.
- Формозов А. А. 2005. *Человек и наука. Из записей археолога*. Москва: Знак.
- Экштут С. А. 2012. *Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до Серебряного века*. Москва: Молодая гвардия.

References

- Avdusin, D. A. 1980. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (12), 24—42 (in Russian).
- Artamonov, M. I. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 277—296 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 1996. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological researches)* 30. Saint Petersburg: RAN (in Russian).
- Bulkin, V. A., Lebedev, G. S. 1974. In *Kul'tura Srednevekovoi Rusi (Culture of Medieval Russia)*. Leningrad: Nauka, 11—17 (in Russian).
- Bulkin, V. A., Dubov, I. V., Lebedev, G. S. 1978. *Arkheologicheskie pamiatniki Drevnei Rusi IX—XI vekov (Early Russian Archaeological Sites of 9th—11th cc.)*. Leningrad: LGU (in Russian).
- Dubov, I. V. 1979. In *VIII konferentsiia po izucheniiu istorii, ekonomiki, literatury i iazyka Skandinavskikh stran i Finliandii (Conference VIII on Study of History, Economy, Literature and Language of Scandinavian Countries and Finland)*. Part 1. Petrozavodsk, 137—139 (in Russian).
- Dubov, I. V. 1979. In *Finno-ugry i slaviane (Finno-Ugrians and Slavs)*. Leningrad: Nauka, 110—118 (in Russian).
- Dubov, I. V. 1982. *Severo-Vostochnaia Rus' v epokhu rannego srednevekov'ia (North-Eastern Rus' in Early Middle Ages)*. Leningrad: LGU (in Russian).
- Kara-Murza, S. G. 2008. *Poteriannyi razum*. Moscow: Algoritm (in Russian).
- Kipichnikov, A. N. 2002. In *Ладога и ее соседи в эпоху сред-*

- nevekov'ia (*Ladoga and Its Neighbors in the Middle Ages*). Saint Petersburg: IIMK RAN, 34—58 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2009. *Spor o variagakh (Debate on Varangians)*. Saint Petersburg: Evraziia (in Russian).
- Klejn, L. S. 2010. *Trudno byt' Kleinom (Hard to Be Klejn)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Klejn, L. S. 2010. In *Troitskii variant — nauka (Troitskii Version — Science)* 63 (in Russian).
- Kuza, A. V., Leontiev, A. E., Pushkina, T. A. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 277—288 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 1997. In *XII konferentsiia po izucheniiu istorii, ekonomiki, literatury i iazyka Skandinavskikh stran i Finliandii (Conference 12th on Study of History, Economy, Literature and Language of Scandinavian Countries and Finland)*. Moscow; Petrozavodsk, 166—168 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 1997. In *Stratum + Peterburgskii arkhologicheskii vestnik. Evropeiskaia Sarmatiia (Stratum + St.-Petersburg Archaeological Bulletin. European Sarmatia)*, 228—235. Saint Petersburg; Kishinev, 228—235 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 1997. In *Pamiatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiia. Versii (Antiquities. Concepts. Discoveries. Versions)* I. Saint Petersburg: IIMK; PGOIAKhMZ, 343—358 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 1999. In *Rannesrednevekove drevnosti Severnoi Rusi i ee sosedei (Early Medieval Antiquities of Northern Rus' and Its Neighbors)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 189—199 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 2000. In *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)*. Pskov, 174—183 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 2001. In *Piatye chteniia pamiati Anny Machinskoi (The Fifth Readings in Memory of Anna Machinskaya)*. Saint Petersburg: SIAAMZ, 63—73 (in Russian).
- Kuhn, T. S. 1977. *Struktura nauchnykh revoliutsii (The Structure of Scientific Revolutions)*. Moscow: Progress (in Russian).
- Kustarev, A. S. 2006. *Nervnye liudi (Nervous People)*. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1973. In *Filosofia. Istoriia. Sovremennost' (Philosophy. History. Modernity)*. Leningrad: LGU, 55—63 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1975. In *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Leningrad State University)* 20, 37—43 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1977. *Arkheologicheskie pamiatniki Leningradskoi oblasti (Archaeological Sites of the Leningrad Oblast)*. Leningrad: Lenizdat (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1977. In *Problemy istorii i kul'tury Severo-Zapada RSFSR (Issues of History and Culture of the North-Western RSFSR)*. Leningrad: Nauka, 44—48 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1985. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope (Vikings' Time in Northern Europe)*. Leningrad: LGU (in Russian).
- Makarov, N. A. 2012. In *Rus' v IX—X vv. Arkheologicheskaya panorama (Rus' in 9th—10th cc. Archaeological Panorama)*. Moscow: Institut arkhologii RAN; Rossiiskii gumanitarnyi nauchnyi fond, 449—459 (in Russian).
- Machinski, D. A. 1998. In *Ladoga i epokha vikingov. IV chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and the Vikings' Time. The Fourth Readings in Memory of Anna Machinskaya)*. Saint Petersburg: SIAAMZ, 130—139 (in Russian).
- Machinski, D. A. 2003. In *Staraya Ladoga. Drevniaia stolitsa Rusi (Staraya Ladoga. The Ancient Capital of Rus')*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 11—35 (in Russian).
- Machinski, D. A. 2004. In *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and Gleb Lebedev. The Eighth Readings in Memory of Anna Machinskaya)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 3—15 (in Russian).
- Machinski, D. A. 2009. In *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoii istorii Starogo sveta (Development of the Russian Statehood in the Context of the Early Medieval History of the Old World)*. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) XLIX, 460—538 (in Russian).
- Machinski, D. A., Shaskolsky, I. P. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 288—291 (in Russian).
- Mikhailov, K. A. 1997. In *Drevnosti Povolkhov'ia (Antiquities of the Volkhov Area)*. Saint Petersburg, 105—116 (in Russian).
- Mikhailov, K. A. 2002. In *Ladoga i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ia (Ladoga and Its Neighbors in the Early Middle Ages)*. Saint Petersburg, 63—68 (in Russian).
- Mikhailov, K. A. 2009. In *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoii istorii Starogo sveta (Development of the Russian Statehood in the Context of the Early Medieval History of the Old World)*. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) XLIX, 179—188 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1974. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny (Auxiliary Historical Disciplines)* 6. Leningrad: Nauka, 212—214 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1976. In *Tezisy dokladov Vserossiiskoi konferentsii po izucheniiu Skandinavskikh stran i Finliandii (Key Points of All-Russian Conference on Study of Scandinavian Countries and Finland)* 7. Part 1. Leningrad; Moscow, 137—139 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1984. In *Arkheologicheskoe issledovanie Novgorodskoi zemli (Archaeological Survey of the Novgorod Land)*. Leningrad: LGU, 85—107 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1984. In *Drevnerusskii gorod (The Early Russian Town)*. Kiev: Naukova dumka, 90—92 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1990. *Novgorodskoe (Rurikovo) gorodishche (Novgorod (Rurik's) Town)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Nosov, E. N. 2009. In *Spor o variagakh (Debate on Varangians)*. Saint Petersburg: Evraziia, 344—356 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 283—302 (in Russian).
- Sokolov, A. V. 2007. *Intelligenty i intellektualy v rossiiskoi istorii (Intelligentsia and Intellectuals in the Russian History)*. Saint Petersburg: SPbGUP (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 2003. *Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki (Archaeology in S.-Petersburg University. Historiographical Sketches)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 2009. In Klejn, L. S. *Spor o variagakh (Debate on Varangians)*. Saint Petersburg: Evraziia, 297—301 (in Russian).
- Fomin, V. V. 2008. *Nachal'naia istoriia Rusi (The Initial History of Rus')*. Moscow: Russkaia panorama (in Russian).
- Fomin, V. V. 2013. *Golyi konung. Normanizm kak diagnoz (The Naked Konung. Normanism as Diagnosis)*. Moscow: Algoritm (in Russian).
- Formozov, A. A. 2005. *Chelovek i nauka. Iz zapisei arkhologa (Human and Science. From an Archaeologist's Notes)*. Moscow: Znak (in Russian).
- Ekshtut, S. A. 2012. *Povsednevnaia zhizn' russkoi intelligentsii ot epokhi velikikh reform do Serebriannogo veka (Everyday Life of the Russian Intelligentsia from the Great Reforms to the Silver Age)*. Moscow: Molodaia gvardiia (in Russian).

Статья поступила в номер 7 марта 2014 г.

Sergey Tomsinsky (Saint Petersburg, Russia). Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum¹.

Sergey Tomsinsky (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în științe istorice. Ermitajul de Stat.

Томсинский Сергей Владимирович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж.

E-mail: russdept@hermitage.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Naberezhnaya, 32/34, Saint Petersburg, 190000, Russia